

## Послевоенные хлопоты

С начала 1944 года отец, продолжая числиться членом Военного совета 1-го Украинского фронта, которым после смертельного ранения украинскими националистами генерала Ватутина командовали сначала Жуков, потом Конев, занялся восстановлением лежавшей в руинах Украины. Пока шла война, промышленность уцелевшей части страны работала на нее и освобожденные районы, выкручивались как могли, все приходилось изобретать заново, по принципу «голь на выдумки хитра». Отец по всей республике выискивал умельцев, придумывавших, как обойтись подножными ресурсами: в строительстве, восстановлении домен и шахт, в сельском хозяйстве. И получалось. Конечно, не все, но получалось.

Потом пришла Победа. Я запомнил тот солнечный майский день, кусты цветущей сирени, пышные свечи каштанов, и отец в белом гражданском кителе и белой фуражке отправляется на Крещатик, на демонстрацию.

Летом 1946 года отец под псевдонимом генерала Петренко отправился в побежденные Германию и Австрию. Почему-то Сталин не разрешил ему в поездке пользоваться своей фамилией, хотя большинство генералов действующей армии знали отца в лицо, с одними он отступал, с другими – наступал. Поехал отец с меркантильной целью: пока остальные республики раскачиваются, постараться урвать из будущих репараций лучшие куски для Украины. И урвал. В Днепропетровске начали строительство автогиганта, туда перевозили из Германии завод, производивший шикарные «Хорхи» (в ходе строительства производство переориентировали с автомобилей на тракторы и ракеты). В Киеве на радиозаводе налаживали производство магнитофонов. Магнитофоны на нас как с неба свалились. Отец вспоминал, как в предвоенные годы немецкий посол граф Шульленбург, проходя вместе с Молотовым по коридорам Наркомата иностранных дел (НКВД, ныне – МИД), заглянул в отворенную дверь и увидел сидевших в наушниках девушек-операторов, записывавших радиосообщения.

– У вас разве?... – начал посол и осекся.

Молотов доложил о происшедшем Сталину. Долго ломали голову, что имел в виду Шульленбург. После войны стало ясно, немцы уже тогда использовали магнитофоны.

Магнитофон, вернее способ записи голоса на покрытую магнитным порошком бумажную ленту, сразу после Первой Мировой войны изобрел живший в Германии австрийский инженер Фриц Майер. В 1920-е годы он продал свою идею фирме AEG, производившей различные электроприборы, которая в сотрудничестве с химическим концерном ИГ-Фабриндастриз и создала первый магнитофон с записью уже не на бумажную, а на пластиковую пленку. Этим он отличался от уже известных в то время устройств, где использовали не очень практичную стальную проволоку. В начале 1930-х годов чудо техники продемонстрировали на Берлинской радиовыставке, а с 1935 года наладили серийный выпуск магнитофонов. Правда, качество звучания годилось только для записи голоса. Устройство и использовали по такому назначению: диктовали приказы и распоряжения не стенографистке, а магнитофону, записывали радиосообщения и деловые переговоры. Вскоре магнитофоны стали незаменимым подспорьем немецкой бюрократической машины. Гитлер тоже записывал свои распоряжения на специально изготовленный для него магнитофон. В 1939 году магнитофон усовершенствовали настолько, что стало возможным записывать музыкальные произведения. После окончания Второй Мировой войны магнитофоны в числе иных трофеев попали в руки победителей. 16 мая 1946 года немецкий магнитофон продемонстрировали в США, он покорила американцев чистотой звучания, и там немедленно наладили его серийное производство.

И вот теперь это чудо техники решили производить в Киеве.

С магнитофонами мне не все ясно. Генерал Сергей Александрович Кондрашов, ветеран-разведчик, служивший в КГБ с 1944 года, когда я рассказал ему о случае с магнитофонами, ответил, что у них в службе магнитофоны использовались для записи радиосообщений агентов с 1939 года. Своих магнитофонов, правда, не имелось, покупали немецкие. Возможно, в НКВД магнитофоны имелись, но с соседями-дипломатами они не поделились.

В 1946-м или 1947 году появился первый украинский магнитофон «Днепр» – громадный, едва проходивший в дверь ящик, оклеенный коричневым дерматином. Демонстрировали его отцу почему-то не на заводе и не в ЦК, а во дворе резиденции на Осиевской. Светило весеннее солнце, в кустах сирени чирикали воробьи. Включили микрофон, завращались бобины размером с детские велосипедные колеса и, о чудо, звук записался! Когда включили воспроизведение, магнитофонные воробьиные «трели» произвели на отца особое впечатление. Он загорелся желанием записать на пленку пенье соловьев, благо наступало самое соловьиное время. В первый же выходной отец привез магнитофон в Межигорье – там, в заросшем кустами обрыве над Днепром и ниже, в ивняке на песчаном берегу реки гнездились, соперничали друг с другом в пении сотни, тысячи соловьев. Весенняя ночь разрывалась от их трелей, щелчков, пересвистов. Периодически в концерт вписывался, и весьма органически, чавкающий звук землечерпалки и жалобно-призывный гудок парохода, очередной раз севшего на Днепровскую мель. В те годы Киевскую ГЭС еще не построили, напротив Межигорья даже мы, дети, вброд, играючи, перебирались по мелководью с нашего берега Днепра почти до противоположного левого берега. Там весеннее половодье каждый год намывало песчаный островок – гнездовые чаек. За островок мама ходить запрещала, в узкой протоке, отделявшей его от «того» берега, нам уже с головкой. По протоке шлепали плечами колес волочившие баржи буксиры, а дважды в день, утром и вечером, проходили колесные же пассажирские красавцы. Обозначенный бакенами извилистый и мелковатый фарватер из-за быстрого днепровского течения постоянно менялся. Стоило бакенщикам зазеваться, и очередной пароход зарывался в неизвестно откуда взявшуюся мель и потом часами, ночью и днем гудками призывал помощь.

Первый выходной, тогда отдыхали только в воскресенье, ушел у отца на подготовку операции. Он вместе с Василием Митрофановичем Божко, офицером охраны, служившим с ним еще со Сталинграда, кстати, мастером на все руки, подтягивали к обрыву провода, проверяли микрофон на дальность записи, примерялись, прилаживались. Место выбрали метрах в пятидесяти от дома на днепровской круче, в зарослях только что зазеленевших кустов. На следующей неделе началось действие: магнитофон долго приманивали на заранее отрытую, застеленную клеенкой ровную площадку наверху обрыва, затем подсоединили микрофон, протаскили его в глубь кустов, насколько позволял провод, и накрепко прикрутили проволокой к ветке деревца.

Как только начало смеркаться, отец с Божко отправились в засаду, первую в жизни отца, страстного охотника, без ружья. В кустах на них набросились комары и серые весенние мошки. Две-три недели весной мошки тучами роились на склонах Днепра, спасались мы от них только на крыше дачи. В отличие от комаров, мошки высоко не залетали. Тут же, в кустах на обрыве они чувствовали себя полными хозяевами, залезали в рукава, за воротник, набивались в уши и нос. И жалили, жалили, жалили. Места укусов тут же опухали и страшно чесались. До начала записи от мошек еще удавалось кое-как отмахиваться сорванными с кустов ветками, смачно шлепая листьями по рукам, по спине, по лицу. Но вот защелкал поблизости первый соловей, отозвался соперник, и началось, вся округа заполнилась птичьим перезвоном. Отец нажал кнопку записи и пальцем погрозил Божко: не шевелись. Мошки набросились на них, облепили руки, лицо. Теперь отец и его напарник только осторожно отирали их с оголенных участков тела, терпели. Пытка эта продолжалась около часа.

Как только закончилась пленка, отец выключил аппаратуру, выдернул микрофонный шнур, Божко сгреб ящик в охапку, и они почти бегом бросились к дому.

Утром слушали запись: соловьи, как оперные певцы, брали высокие ноты, переливались стаккато. Их музыкальные коленца сопровождались погромыхиванием землечерпалки, пару раз слышались гудки пароходов, но на них никто не обращал внимания. Отец просто сиял от удовольствия. Он раз за разом перематывал пленку и слушал, слушал, слушал. Среди его любимых записей оперной и народной музыки соловьиный концерт занял почетное место. Отец сделал несколько «соловьиных» копий; одну, вместе с образцом нового киевского магнитофона, отослал в Москву Сталину. Магнитофонные бобины с соловьиными трелями отец хранил до самой смерти, с особым удовольствием «угощал» своими записями гостей. После его смерти, в день похорон, в числе других произвольно отобранных документов и магнитофонных лент, «Комиссия ЦК» во главе с заместителем заведующего Общим отделом ЦК Аветисяном якобы «для лучшей сохранности и в интересах истории» конфисковала и соловьиный концерт.

Из Германии отец привез еще одно чудо техники – электрическую бритву фирмы «Браун». Попробовав ее однажды, он навсегда отказался от мыла, помазка и бритвы. Брился отец сам, просить кого-то помочь в утреннем бритье ему и в голову не приходило, а времени на парикмахерскую попросту не было. Процедуру бритья отец терпеть не мог, его раздражала потеря времени, а чуть поторопишься – и тут же порежешься. Теперь же поводил три минуты жужжалкой по щекам, и все готово. Отец решил поделиться своими восторгами от новой бритвы со всеми мужчинами советской страны – экземпляр электробритвы для копирования отправили на завод в Харьков. Оттуда и пошли первые наши электробритвы «Харьков».

Помню, как отец принес домой первый, собранный из немецких деталей в Киеве, на заводе «Арсенал», выпускавшем ранее пушки, фотоаппарат «Контакс» со встроенным экспонометром. Фотоаппараты и раньше делали в Союзе, в Харькове, в бывшей колонии беспризорников с середины тридцатых годов выпускали ФЭДы, копию старой немецкой «Лейки». «Контакс» отличался от ФЭДа, как новейший истребитель от старенького У-2. К тому же экспонометр сам определял нужную выдержку и диафрагму. Мы тогда о таком сервисе и понятия не имели, выбирали и то и другое на глазок. Вскоре «Контакс» переименовали в «Киев».

В молодости отец увлекался фотографированием, свой первый фотоаппарат заимел еще до революции, потом в тридцатые годы приобрел немецкую «Лейку». Поэтому новенький «Киев» он изучал с особенным интересом. Вот только времени на него у отца теперь совсем не оставалось. «Киевом» завладел я, фотографировал им до конца 1950-х годов.

Еще одно воспоминание детства. Как то в воскресенье, кажется, ранним летом 1946 года, после завтрака отец предложил, как он выразился, прокатиться на Подол,<sup>6</sup> на стройку, где у самой подошвы горы, за так называемым Крымским спуском, возводили экспериментальный жилой дом. Отец договорился встретиться там со строителями, они обещали рассказать, как можно дешевле и быстрее возводить дома. Украина после войны лежала в руинах, люди даже в городах жили в землянках.

Отец часто практиковал воскресные выезды: то в поле, то на завод, то на стройку. В выходной день можно без оглядки на распорядок дня и напоминания секретаря об очередном посетителе, ожидавшем в приемной, расспросить специалистов, вникнуть во все детали. Он любил докапываться до сути, никогда не принимал решения вслепую. Предложение отца о «прогулке» на Подол в то утро безответно повисло в воздухе. Посещение стройки не прельстило ни маму, ни сестер, один я выразил готовность сопровождать отца. Мне, одина-

---

<sup>6</sup> Подол – приднепровский низменный, порой затоплявшийся в половодье, район Киева.

дцатилетнему, естественно, не было никакого дела до новых технологий, просто очень не хотелось расставаться с отцом. В рабочие дни он возвращался, когда меня уже отправляли спать, мама строго блюла режим. Оставалось только воскресенье, и я ценил каждую минуту общения. Отец уселся впереди, рядом с водителем дядей Сашей Журавлевым, возившим отца с довоенных московских времен. После переезда отца в Киев, Александр Григорьевич, дядя Саша, так его звали не только дети, но и взрослые, последовал за ним. Отец упомянул дядю Сашу в процитированных мною выше воспоминаниях об освобождении Киева, но я не могу удержаться и не помянуть его. Уж очень дядя Саша был приятный и душевный человек. Его любили все, и дети, и взрослые. А спроси за что? Я затруднюсь ответить, не возьмусь выделить конкретно «за что». Правильнее всего сказать: «За все». Случаются такие люди, говоря словами Гоголя, «приятные во всех отношениях». Лучше о дяде Саше не скажешь.

Вместе с отцом они колесили до войны по полям Украины. Отец предпочитал ездить в командировки на машине, так легче увидеть, что и как вспахали, как посеяли, что взошло, что убрали, а что оставили догнивать на полях на радость мышам и птицам. В войну они на эмке<sup>7</sup> откатывались с отступающими войсками от западной границы к Волге, к Сталинграду, а потом вместе, уже на американском джипе «виллисе», наступали от Сталинграда до Киева. Теперь, после Победы, снова пришла пора колесить по украинским шляхам, в ведро волочить за собой пыльный шлейф, а после дождя, чертыхаясь, вытаскивать открытый «паккард» из черной и вязкой грязи.

Сегодня нам ничего такое не грозило. Дорога от дачи до Киева шла по уже мною упомянутой ранее замощенной булыжником шоссейке. Машину на ней нещадно трясло, она стонала, потрескивала, но не буксовала. Кроме дяди Саши, отца и меня, в машине разместились еще двое пассажиров. На откидных стульчиках примостился один из «советчиков» отца по делам строительства Андрей Евгеньевич Страментов,<sup>8</sup> рядом с ним сел начальник охраны отца Иван Михайлович Столяров.

Они заняли откидушки, потому что Страментов по дороге собирался доложить отцу о своей поездке за рубеж, а Столярову по службе полагалось постоянно находиться на чеку. В результате на заднем, представительском сиденье я оказался в одиночестве.

Отец познакомился со Страментовым еще в тридцатые годы в Москве. Тогда Страментов строил набережные на Москве-реке. Отцу он понравился своей хваткостью и умением вникать в суть дела. После войны он переманил Страментова в Киев, поручил ему разобрататься с дорожным строительством. Дороги, вернее их отсутствие, в осеннюю распутицу превращали доставку урожая в хранилища в проблему, сравнимую по сложности со всей летней страдой. Об асфальте в первые послевоенные годы и не мечтали. Для строительства сотен километров дорог требовалась специальная техника, которой не было и в помине. Страментов только что вернулся из командировки в Западную Европу, и отцу не терпелось расспросить его. Разговор начался еще на даче, но не с дорог, а... с подсолнуха.

Там, в прихожей, в углу на столе стояла глиняная расписная украинская ваза. Входя в дом, Страментов взглянул на нее и, обращаясь к маме, сказал, что с вазой очень хорошо сочетался бы подсолнух. Мама поразилась – на Украине подсолнух за цветок не почитали, его место на огороде, а не в хате, да еще в вазе. Засмущавшись, гость пояснил, что такое он видел в Швеции, и ему понравилось: одинокий подсолнух в вазе смотрится элегантно. Мама недовольно хмыкнула, а потом еще не раз неодобрительно поминала и подсолнух, и Страментова с его декадентским, «шведским» вкусом.

<sup>7</sup> Легковой автомобиль М-1, выпускавшийся на автозаводе в городе Горьком (Нижегород), лицензионная копия американского «Форда» начала 1930-х годов.

<sup>8</sup> Страментов Андрей Евгеньевич 1924 по 1941 год строил набережные и мосты в Москве, во время войны в армии, подрывник. С 1943 года в Киеве руководил восстановлением Крещатика, строил дороги. С 1948 года и до конца жизни – профессор Московского инженерно-строительного института.

Мое мнение совпадало с маминым: какое из подсолнуха украшение, другое дело – огромные, как куст, букеты сирени вперемишку с тюльпанами. Размером и пышностью букета в те годы на Украине определялась степень уважения к гостю. Через много лет, уже поездив по миру, мама вспоминала, какой необъятный букет она вручила на вокзале Йованке Броз, жене президента Югославии Иосипа Броз Тито, в мае 1945 года, когда они, возвращаясь из Москвы домой, остановились на пару дней в Киеве. Сирень для букета наломали в саду резиденции на Осиевской, там же срезали и тюльпаны. Букет почти скрыл лицо гостьи, она не знала, что же с ним делать, и только подоспевший адъютант Тито разрядил обстановку, унес цветы подальше, в вагон.

– В мире принято дарить два-три цветочка, а не охапку, – сокрушалась мама, – мы же, от щедрого сердца, считали – чем больше, тем лучше.

Отца тема подсолнуха не заинтересовала, он вообще не обратил внимания на слова Страментова, пожал ему руку и сказал, что пора ехать. Так что к делу перешли только в машине, Страментов рассказал отцу, что за границей он видел набор дорожных американских машин, одни подвозят горячий асфальт со специальных передвижных заводов, другие разравнивают, третьи укатывают, и дорога готова. Отец загорелся: и нам бы такое! Он попросил Страментова пригласить к нему на следующей неделе представителя ЮНРРА<sup>9</sup> на Украине Маршалла Макдаффи. Поясню, кто он такой, чем занимался в Киеве.

Сразу после войны на Украину и в соседнюю Белоруссию приехали представители ЮНРРА. На Украине и в Белоруссии (с представительством в Киеве) миссию возглавлял американец Маршалл Макдаффи. Поначалу имя его Маршалл приняли за военное звание, но быстро разобрались, отец даже пошутил с гостем по этому поводу при первом знакомстве. Маршалл Макдаффи неоднократно посещал Хрущева официально, встречался с ним и в неофициальной обстановке. Он объяснил отцу, что на выделенную ООН сумму можно заказать или продовольствие, или строительные и сельскохозяйственные машины. Решать ему.

Отец отдавал предпочтение машинам. Он рассуждал просто: продовольствие съедят и ничего не останется, Америка нас вечно кормить не станет. Американских тракторов и комбайнов на всю Украину тоже не хватит, да мы и сами научились их делать. Надо брать то, чего у нас нет. Первым делом он попросил поставить на Украину трубы для газопровода. В Карпатах, в Дашаве, добывали газ и использовали его в домашних газовых плитах. Отец хотел, чтобы, как в Западной Украине, и у киевлян появился в домах газ.

Макдаффи сказал, что трубы они поставят, и слово свое сдержал: Украина получила не только газовые трубы полуметрового диаметра, но и траншеекопатели, трубоукладчики и даже машину, заворачивающую трубу перед укладкой в землю в специальную промасленную бумажную ленту. О такой технологии в Советском Союзе и не слыхивали. На сооружавшемся по специальному приказу Сталина газопроводе Саратов – Москва, вступившем в строй 11 июня 1946 года, трубы вручную обмазывали горячим битумом. С поступивших на Украину американских машин сняли чертежи и еще много лет выпускали их копии на советских заводах.

Впечатленный упомянутым выше рассказом Страментова отец попросил Макдаффи помочь дорожными машинами. Американская техника не только обеспечила строительство настоящих, не проселочных дорог на Украине, но и послужила подспорьем при проектировании собственных моделей.

---

<sup>9</sup> UNRRA (United Nation Rehabilitation Relief Administration) – Администрация Объединенных Наций (*англ.*). Первая крупная международная гуманитарная организация в освобожденном от фашизма мире. Ассигнования на помощь Украине и Белоруссии составили 180 миллионов долларов.

Я писал, как еще в тридцатые годы отец заинтересовался американской чудо-сеялкой-сажалкой, опускавшей в землю картошку или семена, какие хотите: кукурузы ли, сахарной свеклы или хлопчатника, строго по углам квадрата так, что можно их рыхлить-полоть трактором с прицепом не только вдоль поля по ходу сеялки, но и поперек.

Тогда помешала война, а теперь появилась реальная возможность заполучить заморскую диковинку в руки, испытать ее на поле, скопировать и запустить в производство.

Квадратно-гнездовая сеялка-сажалка сулила революцию в сельском хозяйстве. В отсутствие гербицидов и инсектицидов сорняки и вредители продолжали одолевать поля Украины.

Высадка растений по углам квадрата не избавляла от долгоносиков, но кардинально облегчала борьбу с сорняками. Внедрить «квадрат» на Украине уже однажды попытались своими силами. Начали с сахарной свеклы, вручную размечали поля бечевками, сделали специальные сажалки-хлопушки, за один хлоп отмерявшие нужную толику семян. Но много ли так насаждаешь, когда счет идет на миллионы гектаров? Теперь отец и надеялся на американскую помощь, и не напрасно. Макдаффи не подвел, привез заокеанские квадратно-гнездовые сеялки. Приступили к их освоению в наших, советских сельскохозяйственных реалиях. Шло все очень непросто, я еще остановлюсь на том, как все происходило.

Кроме всего прочего, Макдаффи оказался первым американцем, с которым отцу довелось не просто познакомиться и пообщаться, но и заняться настоящими делами. Заокеанский гость отцу понравился, но знакомство продолжалось недолго, началась холодная война, представительство ЮНРРА в Киеве закрылось, и Макдаффи уехал за океан.

Однако пора вернуться к разговору отца со Страментовым по пути на Подол. Страментов покончил с дорогами и теперь с увлечением рассказывал, как на Западе, в основном в Америке, строят дома из монолитного бетона: строго по минутам машины, оборудованные специальными вращающимися емкостями, подвозят раствор, перегружают его в бадьи, краны поднимают бадьи на верхотуру и там заливают бетон в уже подготовленную опалубку. И так этаж за этажом, четко, как на заводском конвейере. Отец слушал внимательно, не перебивая и не задавая вопросов, но без особого интереса.

– Любопытно, – протянул он по окончании рассказа, – вот только к нам абсолютно не применимо: бетона нет, его не хватает даже на восстановление домен и Днепрогэса, машин-бетоновозов тоже нет, замешивать его придется тут же на стройплощадке. И кранов у нас раз-два и обчелся, кирпич строители таскают на стены по-старому на закорках, на козе, как муравьи. Да и вообще весь этот хронометраж не для нас, то с одним запоздают, то другое потеряют.

Страментов согласился – пока американские чудеса звучат сказкой, но придет время...

– Когда оно еще настанет, – перебил его отец, – нам надо строить сейчас из того, что имеется под руками.

За разговорами проехали Пущу-Водицу. Со стороны Межигорья артиллерия во время наступления на Киев выбила сосновый лес почти начисто. Деревья сохранились только ближе к Вышгороду. Въехали в пригород, миновали Бабий Яр, и сразу за Крымским спуском свернули вправо, здесь у подошвы горы строили экспериментальный четырехэтажный жилой дом, по меркам тех лет – высотку. На стройке отца поджидали инженеры-изобретатели, тут же суеилось городское начальство. У самой стены дома, на расчищенной от мусора площадке, развернули импровизированную выставку. Я, конечно, запомнил далеко не все. Детская память избирательна. Один из изобретателей предлагал складывать куски стен из кирпичей на земле и поднимать наверх целыми блоками. Отец к кирпичным блокам отнесся довольно равнодушно, экономию сил и времени это предложение давало, как он выразился, «чепуховую», а доставлять блоки на этажи придется краном, которого пока нет. Однако мысль уйти от кирпичей к чему-то более крупному в память ему, наверное, запала.

Другая новинка – листы сухой гипсовой штукатурки, ровные и белые, как ватманский лист бумаги. Настоящее чудо, избавлявшее строителей от изнурительного обляпывания стен раствором и затем бесконечного заглаживания бесконечных же выбоин и опупин. Гипсовая панель отцу очень понравилась, он дотошно расспрашивал автора, не раскрошится ли она при транспортировке и, главное, не напитается ли гипс влагой, «не растает ли»? Автор изобретения отвечал исчерпывающе, говорил по существу, кратко, не рассусоливая. Отец удовлетворенно хмыкал и наконец дал добро: «После окончания испытаний приступить к производству гипсовых панелей взамен штукатурки».

Рядом стоял еще один макет кирпичной стены, но не целиковый, как обычно, а весь в пустотах, заполненных печным угольным шлаком. Кирпичей на Украине катастрофически не хватало, их экономили, а заодно находили применение шлаку из многочисленных городских котельных. Новую технологию кирпичной кладки рискнули внедрить лишь на строительстве двух-трехэтажных домов, стены получались уж очень хлипкими.

Затем отца подвели к стенду керамического завода. Его заполняли светло-желтые, розовые, коричневые облицовочные плитки, гладкие и с рельефными узорами. Докладывал молодой человек, изобретатель нового метода облицовки домов, по фамилии Абрамович, имя и отчество его сейчас не припомню. Он увлеченно и уверенно рисовал картину, как его плитки избавят строителей от штукатурки фасадов, сэкономят труд, время и одновременно сделают дома во сто крат наряднее. Плитки Абрамовича решили испытать при облицовке домов, строившихся на Крещатике.

На дачу со строительной выставки мы вернулись только к вечеру. В машине отец продолжал обсуждать со Страментовым какие-то дела, я их уже не слушал, задремал.

Через некоторое время, летом или ранней осенью, отец, собираясь в очередной раз посмотреть, как продвигается восстановление Крещатика, позвал меня с собой. На сей раз день был будний, отец послал за мной машину домой, на Осиевскую, сам он, как всегда, работал, в нависающем над днепровской кручей сером полукруглом здании Совета Министров.

Я зашел к нему в кабинет, расположенный, наверное, этаже на шестом. Раньше там мне бывать не приходилось. Из окна открывался вид на Днепр, на заросший ивняком Труханов остров, а дальше до самого горизонта стелились поля равнинного левобережья. Я с любопытством озирался по сторонам: большой, заваленный бумагами, письменный стол, на стене портрет Сталина в казенной коричневой деревянной рамке, сбоку у глухой стены – длинный натянутый стандартным зеленым сукном стол для заседаний. Рядом, в углу, целая выставка: там и уже знакомые мне облицовочные керамические плитки, и куски сухой штукатурки, и полые кирпичи, и многое другое. Отец любил похвалиться техническими достижениям украинских умельцев перед заезжими гостями и постоянно обновлял экспозицию. Долго осматриваться отец мне не дал, дочитал какой-то документ, встал из-за стола, и мы поехали на Крещатик.

Крещатик назван в честь крещения, здесь вдоль ручья, протекавшего по глубокой котловине, князь Владимир и его дружина гнали язычников-киевлян в Днепр обращать в новую, христианскую веру.

До войны Крещатик ничем не отличался от центральных улиц других российских губернских городов: мощеная булыгой узкая проезжая часть, вдоль нее двухэтажные, льнувшие друг к другу, дома и домишки, лишь кое-где среди них – «небоскребы» в пять-шесть этажей. В середине 1930-х годов Крещатик решили реконструировать, расширить и застроить современными зданиями, на манер улицы Горького (Тверской) в Москве. Из задуманного успели возвести только облицованный гранитом красавец-универмаг. Его открыли накануне войны, в июне 1941 года.

Теперь Крещатик лежал в руинах. Универмаг же чудом уцелел, сохранились и еще кое-какие здания, но улица как таковая перестала существовать. Даже проезжая часть стала непроезжей из-за наваленных груд мусора. Его к тому времени кое-как разгребли, пустили движение в один ряд и теперь раздумывали, как восстановить, вернее, отстроить новый Крещатик.

Кто взорвал или разрушил иным образом дома на Крещатике – загадка. Не смог разгадать ее и отец, несмотря на его высокое положение, открывавшее в послевоенное время доступ к любым архивам, несмотря на второе, после командующего, место в командной иерархии фронта, оборонявшего Киев, несмотря на то, что все нити партизанского движения на Украине стекались к нему.

«Я так и не смог разобраться, кто взрывал дома на Крещатике. Его разрушили еще в 1941 году, вскоре после прихода немцев. Они говорили жителям, что это проделки партизан. Я не знаю – мы таких заданий партизанам не давали. Думаю, все это проделки гестаповцев, их не волновал ни город, ни судьба людей, в их интересах возбуждать гнев населения против партизан, склонять, тем самым людей к сотрудничеству. Но кто знает? Трудно сказать».

Так до сих пор никто и не знает. Партизанам взорвать дома вдоль целой улицы не по силам, для этого требуется незаметно пронести огромное количество, много тонн взрывчатки. Такого не случалось ни в одном из оккупированных немцами городов. Штаб, склад боеприпасов, железнодорожные пути – да, бывало, но целую улицу? И зачем?

Отступавшие советские войска тоже не успевали этого сделать. Сталин, несмотря на все мольбы командования Юго-Западного фронта и Генерального штаба оставить Киев и тем самым избежать окружения, приказал стоять насмерть.

Сталин запретил сдачу города, а значит, и уничтожение его объектов. Взорвать не успели даже завод «Большевик», не то что Крещатик.

Я помню, как рефреном «Киев – был, есть и будет советским!» – завершались все выпуски новостей и в газетах, и по радио, проводному, конечно. Так продолжалось до тех пор, пока в сентябре немцы не прорвались с фланга, захватили Киев и пленили более шестисот тысяч наших солдат. А уж сколько оборонявшихся перебили, одному Богу известно. Тогда погибли, в числе многих тысяч других, командующий фронтом генерал-полковник Михаил Петрович Кирпонос, заместитель отца по Украинскому ЦК Михаил Алексеевич Бурмистренко, а уцелевшие генералы, такие, как будущий герой взятия Киева и будущий маршал Москаленко или будущий предатель, а тогда герой обороны Киева генерал Власов, еще долго пробирались к линии фронта – кто с бойцами, кто в одиночку, переодевшись в крестьянские «свитки».

Я подумал, не взрывали ли Крещатик радиоуправляемыми минами легендарного Ильи Старинова? Известно, что с их помощью уничтожили несколько важных объектов в оккупированном немцами Харькове. Но это произошло уже много позднее, в октябре 1941 года, когда немцы захватили уже почти всю Украину. Тридцатью радиоминами предполагалось «оборудовать» штаб Харьковского военного округа, важнейшие заводы и другие значимые объекты. Обычными, не радио, минами собирались усеять подходы к Харькову, его пригороды, осуществить тем самым первую с советской стороны операцию по массированному минированию путей наступающих немецких дивизий. Жилые дома на центральной улице Харькова не минировали, военного значения они не имели, да и проживавших в них людей девать некуда.

Когда в соответствии с заведенным порядком, полковник Старинов представлялся первому члену Военного совета Юго-Западного фронта Хрущеву, доложил и о радиоминах, и об объектах, намеченных к минированию. Отец живо заинтересовался новинкой. Дальше я приведу рассказ Старинова.

– Давайте поставим радиомину и в доме, где я живу (№ 17 по улице Дзержинского, его построили когда-то для Косиора, секретаря ЦК КП (б) У), – предложил он. – Дом видный, наверняка и у немцев его облюбует какая-нибудь «шишка», вдруг сам командующий группой армий. Вот мы его и рванем.

– Никита Сергеевич, я сам эти радиомины только осваиваю, они еще не обкатаны, могут неожиданно рвануть без всякого радиосигнала, разнесут вас самого в клочья, – отговаривал Хрущева Старинов.

– На войне мы все под Богом ходим, товарищ полковник, и я, и вы, давайте рискнем, – Хрущев твердо стоял на своем.

Приказ есть приказ. Старинову оставалось только подчиниться. 12 октября 1941 года подчиненная ему группа саперов приступила к минированию. Сам радиофугас закопали глубоко под котельной, тщательно замаскировали, а сверху в куче угля для отвода глаз поставили тоже очень современную мину замедленного действия. Дальше все шло как по писаному: 24 октября немцы вошли в Харьков, 8 ноября их саперы обнаружили в подвале дома № 17 по улице Дзержинского мину-ловушку, через пару дней в него въехал, к сожалению, не командующий группой немецких армий, а «всего лишь» начальник Харьковского гарнизона генерал Георг фон Браун.

14 ноября в 3 часа 15 минут утра Старинов из соседнего с Харьковом Воронежа послал радиосигнал на подрыв своих фугасов. Мины сработали с большим эффектом, в том числе в доме № 17 по улице Дзержинского погиб генерал фон Браун. Когда Хрущеву доложили о результате операции, он остался очень доволен, особенно тем, что был уничтожен фон Браун.

Бывал ли Старинов в Киеве? Он пишет, что бывал. С 1 августа 1941 года, за месяц до захвата Киева немцами, Старинов и еще четыре инструктора-подрывника учили в Пушче-Водице будущих украинских партизан своим премудростям, а затем в середине августа, еще до того, как западня захлопнулась, отбыли в Белоруссию, и оттуда – в Орел.

Однако в августе радиомин в распоряжении у Старинова не имелось. Теоретически их могли привезти в Киев и без Старинова. Теоретически... Практически же сведения такие отсутствуют, и, повторяю, использовали драгоценные радиомины только для подрыва важнейших объектов, а их вместе с Киевом сдали немцам невредимыми.

После обретения независимости на Украине стало модно во всех «грехах» винить «москалей». Ставят им в вину и разрушение Крещатика. Конечно, «москальи» при отступлении с удовольствием бы его разрушили, обе воюющие стороны, и советская, и немецкая, исповедовали тактику выжженной земли, в том числе и собственной. Могли бы разрушить, но, как свидетельствуют доступные мне сведения, не смогли. Взорванный Крещатик, скорее всего, на совести немцев.

Однако кто бы ни уничтожил Крещатик, восстанавливать его выпало отцу. Отец же задался целью не воссоздавать старое, а несмотря на разруху, сделать центральный киевский проспект таким, чтобы не краснеть перед потомками. Руководили всеми работами по восстановлению Крещатика главный архитектор Киева Александр Васильевич Власов и старый знакомый отца, выдающийся строитель Николай Константинович Проскуряков.

В 1936 году отец, наслышанный о Проскурякове как о «мостовике», показавшем себя на строительстве Днепрогэса, пригласил его строить мосты в Москву. За два года в Москве построили два Каменных моста, Большой и Малый, оба Краснохолмских (над Москвой-рекой и водоотводным каналом), Крымский, Москворецкий, Чугунный, Устинский, реконструировали Новоспасский мост, построили два путепровода у Рижского вокзала. Работы завершились в 1938 году, уже после отъезда отца в Киев, но оценить хваткость и организационные таланты Проскурякова он имел достаточно времени.

Поэтому сразу после освобождения Киева он попросил Москву отозвать Проскурякова из армии и направить в Киев восстанавливать взорванные немцами мосты через Днепр. Годом позже отец взвалил на его плечи организационные хлопоты по возрождению Крещатика.

Улицу расширили, заасфальтировали, теперь автомобили могли не только обгонять друг друга, но и свободно двигаться в каждом направлении в два ряда. В годы, когда каждая проезжающая машина привлекали внимание, такое казалось ненужной роскошью. На переходах, на разделительной полосе поставили массивные гранитные тумбы с гранитными же шарами наверху, первые в советской практике островки безопасности для пешеходов. Над ними тоже немало потешались. Тумбы прозвали убийцами водителей. Страментов предложил вдоль всего Крещатика проложить, облицованный кирпичом подземный туннель – коллектор для городских коммуникаций. Тогда отпадет необходимость вскрывать мостовую, рыть ямы. При дефиците кирпича, закапывание его в землю многим казалось транжирством, да и не строили никогда таких коллекторов в Советском Союзе. Киев стал первым и на несколько лет единственным примером рационального подхода к городскому хозяйству. Довоенные узкие тротуары с одной стороны Крещатика просто расширили, а с другой превратили в многорядную пешеходную зону с аллеями, обсаженными, по настоянию отца, киевскими каштанами и московскими рябинами. Дома-высотки в восемь-девять этажей с этой стороны убрали подальше от улицы, вынесли на обрамляющий Крещатик пригорок, их фасады щедро разукрасили керамикой Абрамовича с украинским мозаичным орнаментом. Этот проект архитектора Власова вызвал ожесточенную критику, особенно орнаментальная отделка домов. Их сравнивали с безвкусными кремовыми свадебными тортами, насмехались над автором-архитектором, а заодно над отцом. В те годы «передовые» умы отошли от модного до войны конструктивизма, домов-кубиков из бетона и стекла, следовали тяжеловесным канонам сталинского неоклассицизма. А тут цветочки-завиточки. Критика застройщика Крещатика расстраивала отца, ему самому нравилось, но... Отец пошел со своими сомнениями к старому знакомому, корифею архитектуры, академику Алексею Викторовичу Щусеву. Тот сказал, что такое отношение к новострою бытовало всегда: «Современникам архитектор никогда не угодит, признание приходит после смерти. И вообще все это дело вкуса, одним нравится одно, другим – другое». Ему же самому Крещатик понравился. «Первые четверть века новое в архитектуре охаивают, через полвека – привыкают, а через сто лет – объявляют классикой», – добавил Щусев.

Его слова успокоили отца, но не до конца. Сомнения в выборе Власова и его собственном выборе оставались еще долго. Одно утешало: Крещатик больше не заштатная губернская улица.

Современный Крещатик мне чем-то напоминает парижские бульвары: каштаны разрослись и скрыли ошетилившиеся горизонтальными сетками-ловушками нижние этажи домов. Абрамовичевские плитки с годами демонстрировали все возрастающее коварство, под действием морозов и дождей то и дело отлетали от стен и падали на головы прохожих. Они стали настоящим бедствием, и впоследствии от них пришлось отказаться.

А вот еще одна поездка с отцом. Теперь на Ирпенскую пойму весной 1947 года. Ирпень – заболоченная речушка вверх по Днепру от Киева. Я вскользь упомянул его в рассказе о штурме Киева. Отец задумал наладить в пойме выращивание овощей для киевлян. Все последующие годы он в Киеве, а затем в Москве, стремился переориентировать близлежащие села с выращивания зерновых культур на овощные, требовал создавать мощные специализированные пригородные овощеводческие хозяйства. Экономически овощной уклон очень выгоден, но и труда огурцы с помидорами требуют больше, чем овес с рожью. Благие инициативы отца наткнулись на мягкое, но упорное сопротивление не заинтересованных

в результатах своего труда производителей. И это при том, что на приусадебных участках крестьян огородничество процветало.

Вот и сейчас на Ирпень мы приехали солнечным, но еще прохладным воскресным апрельским утром. Снег сошел только недавно. Отец в своей любимой коричневой кожаной куртке, окруженный толпой агрономов, мелиораторов и просто местных начальников, выхаживал по бурой траве торфянистой поймы, отмерял что-то шагами, выспрашивал, где пройдут оросительные каналы, тут же в уме подсчитывал будущий урожай и соотносил его с потребностями Киева. Получалось, если взяться за дело с умом, то у горожан проблем с овощами вскоре не будет.

Я увязался за отцом по привычке и теперь уныло следовал за ним. Если на стройке я еще находил некоторый интерес, то в этой серой равнине меня не прельщало ничто. Разве что дымящаяся почва. По весне подсохшие торфяники регулярно загорались, их не тушили, ждали дождь, чтобы загасли сами. Меня предупредили не подходить близко, выгоревшая почва может провалиться и тогда... Испуганный, я жался к окружавшей отца толпе.

Наконец, договорившись обо всем, продрогший на весеннем сквозняке, отец направился к машине.

С ирпенской затеей получилось не очень складно. Пока отец оставался в Киеве, он ее подталкивал и все потихоньку делалось. Через пару лет, в 1949 году, он уехал в Москву. Ирпень не то что захирел, но и не стал той овощной кладовой Киева, которая виделась отцу. Так происходило не раз, только перестаешь продвигать, казалось бы, нужную всем идею, как она тут же заглохнет в бюрократических дебрях, как на неухоженном поле пропадает в зарослях сорняков кукуруза.

Так проявляется в нашей жизни основополагающий закон мироздания, второй закон термодинамики, объясняющий одну из сущностей природы: пока кто-то подкачивает извне энергию в физическую или иную систему, ее структура упорядочивается, устанавливается порядок. Стоит перестать качать энергию, и тут же нарастает энтропия, проще говоря, – беспорядок. Наступает хаос. Так происходит в мире молекул и атомов: стоит ослабить, удерживающие их вместе силы, и они разлетятся прочь. Так разрушаются оставленные жителями на произвол судьбы древние города. Так зарастают бурьяном невозделываемые поля. И в человеческом сообществе, стоит пустить дело на самотек, и все идет в раздрай, пока не успокоится в хаосе абсолютной безынициативности.

Весенний сквозняк не прошел отцу даром, он простудился. Простуда перешла в воспаление легких, отец слег. Врачи предпринимали все, что могли, но ему становилось все хуже. Отец уже еле дышал, в ход пошли кислородные подушки. В доме стояла настороженная тишина. У постели, вместе с мамой, неотступно дежурил врач. Местные профессора и специально приехавшие из Москвы светила (мне запомнились профессора Губергриц, Вовси, Зеленин), выходя из спальни отца, сокрушенно покачивали головами. Мама ходила бледная, потерянная. Я старался при любой возможности пробраться к отцу, но удавалось мне это не всегда, мама не пускала меня дальше дверей, беспокоилась, чтобы еще и я не подхватил какой-либо микроб. Она, конечно, знала, что воспаление легких не заразно, но береженого Бог бережет. Я запомнил неподвижное серое лицо отца, хриплое с присвистом дыхание и неузнающий взгляд.

Беда не приходит одна. Той же весной Сталин обвинил отца в мягкотелости по отношению к крестьянам (я еще вернусь к этой истории) и в марте 1947 года направил в Киев «на усиление руководства» Кагановича. Приказал ему навести в республике порядок. Отца сместили с поста Первого секретаря ЦК Компартии Украины, его место занял Каганович. Отец пока оставался главой украинского Правительства. Пока... Каганович с первого дня начал устанавливать свои порядки, развернул борьбу с мелкой вспашкой, озимой пшеницей,

украинскими националистами. Он часто появлялся на людях, ездил по области, выступал. Отец же как в воду канул. Поползли слухи, что он арестован или его вот-вот его арестуют.

К середине июня отец пришел в себя, но на работу не вышел, врачи настаивали на отпуске. Последний раз он отдыхал еще до войны, так давно, что и сам почти не помнил когда. От отпуска отец категорически отказался, дел невпроворот, да и чрезмерная активность Кагановича беспокоила его не на шутку. Дело дошло до Сталина, он позвонил в Киев и настоятельно порекомендовал отцу поправить здоровье. Заботливость Сталина отца не порадовала, он помнил, как последний в его присутствии в 1930-е годы звонил Павлу Петровичу Постышеву, тоже впадшему в опалу члену Политбюро, расспрашивал о самочувствии, советовал беречь себя. И, положив трубку, тут же распорядился об его аресте. Но со Сталиным не поспоришь, отцу пришлось подчиниться. Мы всей семьей отправились на Рижское взморье, в Майори. Отец быстро окреп. В августе открылась утиная охота, и он зачистил с ружьем на соседние болота. Ему не сиделось на месте, и он решил слетать в Калининград. Отца туда настойчиво зазывали старые фронтовые друзья-генералы. С собой он взял меня и мою старшую сестру Раду. Мама с младшими дочерьми осталась на взморье, в самолете ее сильно укачивало. Кенигсберг, тогда к новому названию Калининград еще не привыкли, встретил нас морозящим холодным дождем и привычной по Украине послевоенной разрухой – коробками разбитых артиллерией кирпичных домов, улицами, ведущими из ниоткуда в никуда. Вот только разрушения выглядели помасштабнее киевских, советские войска штурмовали немецкий город-крепость не одну неделю.

На аэродроме нас встретили генералы (фамилий их я уже не помню), провезли по центру города, вернее, по тому, что от него осталось, а там не сохранилось ни одного нескоревшего здания, свозили к королевскому замку, на могилу Иммануила Канта и в янтарный карьер. Мне запомнился карьер. Такую огромную яму в земле я видел впервые. В глубине котлована водяные пушки струями воды размывали голубоватую глину, просеивали ее на специальных грохотах, вылавливали всплывавшие на поверхность золотистые кусочки застывшей смолы, янтарь с застывшими внутри мушками, комарами, веточками растений. В местном краеведческом музее, туда мы отправились после осмотра карьера, подобных диких имело в изобилии. Там же, в здании музея, для отца устроили выставку достижений немецких химиков, научившихся во время войны воспроизводить в своих лабораториях эрзацы ставших недоступными естественных продуктов: каучука, машинных масел, тканей и множества других нужных людям вещей. Янтарь отца не очень заинтересовал, а от продукции химиков он пришел в восторг.

Во время войны в Советском Союзе вдоволь наиздевались над немецкими эрзацами – ничего-то нет у них настоящего, одни заменители: эрзац-бензин, эрзац-валенки. Последнее особенно пришлось по вкусу карикатуристам. Газеты пестрели рисунками «фрицев» с застывшей каплей на носу и огромных валенках из соломы. Тут же нам показали не эрзац, а фирменные чудеса. Из бурого угля, а в нашей стране его и за уголь не считали, получали какую-то прозрачную жидкость, и вот она уже превращается в тончайшую нить, а нить в кусок ткани, настоящей, ничуть не хуже хлопковой и даже шелковой.

Отцу подарили большой деревянный ящик, в нем в специальных гнездах лежали кусочки угля, пробирки с жидкостью, образцы нитей и тканей, отражавшие все стадии преобразования невзрачных бурых комочков в разноцветье дамских нарядов. Именно в Кенигсберге, в 1947 году отец впервые воочию убедился в чудотворных возможностях химии. Он ничего не забывал, впитывал в себя новые сведения, затем хранил их, иногда годами, «до востребования». Я тоже получил подарок от химиков – две больших катушки крепчайшей и к тому же прозрачной, невидимой для рыбы, лески – несметное богатство по тем временам. Расходовал я ее настолько экономно, что кое-что у меня сохранилось до сих пор.

Прилетев в Ригу, отец засобирался домой, ему – время выходить на работу, а нам – в школу. В Киев мы вернулись в последние дни августа.

По возвращении домой отец продемонстрировал немецкие достижения местным ученым, но без особых последствий, время большой химии еще не наступило.